

Сюцай Линь был уже совсем седым. Поговаривали, что этот ученый титул он получил всего три года назад. Вообще-то стать сюцаем в преклонном возрасте считалось радостным событием, однако он был слишком стар — надежды сдать экзамен на степень цзюйжэня не оставалось, да и звание гуншэна ему не светило. В управе Гусу сюцаи ценились совсем не так высоко, как в деревне Чжаоцзя, поэтому Сюцай Линь жил в бедности. Какое-то время он работал счетоводом в ломбарде Цяньцзи, но из-за почтенного возраста его уволили, как только нашлась замена получше.

Тан Шэнь внимательно осмотрел его и спросил:

— Какие книги вы читали?

— Я изучал Четверокнижие и Пятикнижие, обучался счету, а также читал «Цзо чжуань» и «Чжоу и».

Тан Шэнь задал ему несколько простых задач на вычисление. Сюцай Линь считал не слишком быстро, уверенно щелкая костяшками счет, но ни разу не ошибся.

— Вы мне подходите. Дядюшка Линь, согласны ли вы стать моим счетоводом?

— Хорошо, хорошо!

В следующие несколько дней Тан Шэнь и Яо Сань принялись искать в управе Гусу подходящую мастерскую.

Если хочешь продавать мыло и эфирное масло, лавка — не проблема. Лавка семьи Тан на улице Суйцзинь торговала товарами для женщин, так что за сбыт можно было не беспокоиться. Именно ради этого Тан Шэнь специально навещал Госпожу Тан с подарками. Он давно разузнал, какие лавки принадлежат семье Тан и какими делами они управляют.

Спустя четыре или пять дней Яо Сань и Счетовод Линь нашли по одной мастерской.

Яо Сань рассказал:

— Эта мастерская находится в западной части города, раньше здесь была винокурня. Хозяин спешит с продажей, поэтому просит недорого, да еще обещает оставить всех работников — а они мастера своего дела.

Счетовод Линь поделился своим:

— Мой вариант тоже на западе города, раньше там красильня была. Цена повыше, чем у Яо Саня, но хозяин — старожил Гусу, человек надежный. Да и комнат в этой мастерской на одну больше.

Тан Шэнь немного подумал, после чего все трое отправились осматривать мастерские на месте. В итоге Тан Шэнь сказал:

— Остановимся на этой красильне. Места здесь много, в будущем будет проще расширять производство.

Простодушный Яо Сань только радостно кивал и поддакивал. Он тут же побежал звать мать, чтобы та помогла сторговаться с хозяином красильни. А вот Счетовод Линь уловил скрытый смысл в словах юноши:

— Маленький хозяин, вы планируете продавать что-то еще? А как же мыло, туалетное мыло и эфирное масло? Их вы больше продавать не будете?

Тан Шэнь ответил:

— Разумеется, будем. А вот что добавится к ним потом — время покажет.

Счетовод Линь больше ни о чем не спрашивал.

В конце концов, они не были близкими людьми, и Тан Шэнь еще не доверял Счетоводу Линю до конца.

Прошло еще полмесяца, и Тан Шэнь выкупил красильню. За это время он успел еще раз навеститься в Поместье Лян, и в этот раз ему посчастливилось застать Великого ученого Ляна. Тот пригласил его к обеду. За едой Великий ученый Лян заметил:

— Твое мыло оказалось на удивление хорошим. Не найдется ли у тебя еще? Хочу отправить немного своим старым друзьям.

Глаза Тан Шэня радостно блеснули. Он дарил мыло именно для того, чтобы с помощью авторитета Великого ученого Ляна устроить своему товару бесплатную рекламу.

— Разумеется, найдется. Завтра же с утра пораньше я пришлю его вам, учитель.

Когда юноша уже собирался уходить, Великий ученый Лян спросил:

— Помнишь, полгода назад мы встретились в деревне Чжаоцзя? Тогда ты без запинки зачитал задом наперед целую главу «Шу эр» из «Лунь юй». Учитель Цзэн уверял, что ты вундеркинд и досконально знаешь «Лунь юй» и «Чжун юн». Прошло полгода. Какие книги ты прочел за это время?

Разве посмел бы Тан Шэнь признаться, что за эти полгода не открыл ни единой книги, а занимался исключительно торговлей? Поразмыв, он ответил:

— Если говорить лишь о поверхностном чтении, не вдаваясь в глубокий смысл, то ваш ученик прочел «Дасюэ», «Мэн-цзы», а также полностью одолел Пятикнижие.

Великий ученый Лян громко рассмеялся:

— Ну ты и хвастун, малец! Заявляешь, что одолел все Четверокнижие и Пятикнижие... Пожалуй, даже седовласые сюцаи на склоне лет не осмелились бы на такие громкие слова.

Тан Шэнь невинно похлопал ресницами. Ему было всего тринадцать, так что он с чистой совестью мог прикинуться наивным ребенком.

— Учитель спросил лишь о том, что я прочел. Но ваш ученик и не утверждал, будто все понял. Я просто прочитал их, и только.

— И заодно выучил наизусть так, что можешь рассказать задом наперед?

Тан Шэнь кивнул.

Великий ученый Лян покачал головой:

— Ну и проказник!

Он имел в виду не то, что сомневается в способности Тан Шэня запоминать тексты задом наперед, а то, что не верит, будто юноша действительно притрагивался к книгам в последние полгода.

Впрочем, даже если бы Великий ученый Лян прямо сейчас потребовал процитировать Четверокнижие и Пятикнижие с конца, Тан Шэнь ничуть не испугался бы. После того как во время Праздника Двойной Девятки Великий ученый Лян обронил фразу «вдова не беспокоит»тса о нитях утка», Тан Шэнь, вернувшись домой, от корки до корки пролистал все Четверокнижие и Пятикнижие. Благодаря своей феноменальной памяти он и в самом деле помнил эти книги наизусть.

Однако с тех пор он к книгам больше не прикасался.

Покинув Поместье Лян, Тан Шэнь вернулся домой. Достав из «Чуньцю» заложенное между страниц приглашение, он внимательно всмотрелся в иероглифы и тихо прочитал:

— «Небо прояснилось, солнце и луна замерли, аромат плодов разносится по ветру. Войдя в покои, взираю с благоговением, с чаркой вина у хризантемы у восточного окна»... Хм, с чаркой вина у хризантемы у восточного окна...

Тан Шэнь долго вглядывался в строки, но так и не смог разгадать скрытую в приглашении тайну.

В этот момент в комнату вошел Счетовод Линь. Увидев, что Тан Шэнь что-то читает, он поинтересовался:

— Что вы там рассматриваете, маленький хозяин?

Тан Шэнь отложил бумагу и поднял голову:

— Приглашение от Великого ученого Ляна.

Глаза Счетовода Линя взволнованно заблестели, а сам он мелко задрожал от возбуждения. Сделав шаг вперед, он проговорил:

— Я уже слышал от девицы А-Хуан и Яо Саня, что вы знакомы с Великим ученым Ляном, но не думал, что это правда! Маленький хозяин, неужели это приглашение написано рукой самого Великого ученого Ляна?

— Этого я не знаю.

— Позвольте взглянуть?

Тан Шэнь протянул ему приглашение.

Счетовод Линь дрожащими пальцами принял бумагу с величайшим благоговением, словно святыню. Он внимательно вчитался в строки и тихо напевным голосом зачитал стихотворение:

— «Небо прояснилось, солнце и луна замерли, аромат плодов разносится по ветру. Войдя в покои, взираю с благоговением, с чаркой вина у хризантемы у восточного окна»... Хм, странное стихотворение.

Тан Шэнь удивился:

— Что же в нем странного?

— Сразу и не скажешь. Подождите немного, маленький хозяин, дайте мне взглядеться повнимательнее.

Спустя добрых полчаса Счетовод Линь с улыбкой произнес:

— Так это же стихотворение со скрытым смыслом!

— Со скрытым смыслом?

— Именно. Вы и сами наверняка догадались, что в приглашении речь идет о Празднике Двойной Девятки — вас зовут на встречу в поместье. Строка «с чаркой вина у хризантемы у восточного окна» указывает на то, что вас приглашают любоваться хризантемами на Праздник Двойной Девятки. Однако это лишь самый очевидный, первый слой.

— Первый слой?

— Именно. Посмотрите на первую строку: «Небо прояснилось, солнце и луна замерли». На первый взгляд это намек на ясную погоду для встречи. Но на самом деле ясное небо символизирует «ян», а слияние солнца и луны образует «яо». Черта «ян-яо» берет начало из «И чжуань» и также зовется нечетной чертой, а это девятая гексаграмма. Теперь взгляните на третью строчку: «Войдя в покой, взираю с благоговением». Будто бы речь идет о восхищении убранством дома, но на самом деле и слово «предел», и слово «вершина» означают девятку.

Счетовод Линь продолжал пристально изучать приглашение, тогда как Тан Шэнь эти слова поразили словно гром среди ясного неба. Он стоял, лишившись дара речи.

— «Ян-яо» — это девять, «предел и вершина» — это девять. «Ян» — это девять, а девять — это «ян». Две девятки образуют Праздник Двойной Девятки. Но вот что странно: зачем Великому мнению Ляну писать столь мудреное стихотворение? Он ведь и так прямо упомянул чару вина у хризантем. Зачем же было прятать в строках само название праздника?

Тан Шэнь застыл на месте, не в силах вымолвить ни слова. Внезапно он обратился к счетоводу:

— Господин Линь, есть одно изречение, которое я так и не смог отыскать в Четверокнижии и Пятикнижии. Может быть, вы его знаете?

— Какое же?

— «Ушедший из дома не беспокоится о нитях утка, но тревожится о согласии рода Цзоу, ибо беда вот-вот настигнет его».

— Ха-ха, маленький хозяин, должно быть, вы имели в виду: «Вдова не беспокоится о нитях утка, но тревожится о гибели правящего дома Чжоу, ибо беда вот-вот настигнет и ее»? Это изречение из главы «Двадцать четвертый год правления Чжао-гуна» хроники «Цзо чжуань». Она не входит в Четверокнижие и Пятикнижие, так что нет ничего удивительного в том, что вы его не встречали.

Под порывами ледяного ветра у ворот поместья замерли двое стражников. Одетые в доспехи, они стояли прямо, сжимая в руках длинные копья.

Вдруг из-за угла улицы быстрым шагом вышла худощавая фигура. Стоявший слева стражник уже собрался было окликнуть прохожего, но, разглядев его лицо, улыбнулся:

— Молодой господин Тан, вы же только в полдень ушли. Зачем снова пожаловали?

Эти охранники были ветеранами, когда-то получившими ранения на полях сражений. Родом они были из управы Гусу. Вернувшись со службы, они не могли заниматься тяжелым трудом, и тогда Великий ученый Лян приютил их, сделав стражниками в своем доме. Прежде они славилась крутым армейским нравом, однако в Поместье Лян, проникнувшись ученой атмосферой хозяина, за несколько лет сделались на диво учтивыми и вежливыми с гостями.

Тан Шэнь вежливо ответил:

— Брат, будь добр, доложи обо мне. Я хотел бы увидаться с Великим ученым Ляном.

— Сейчас, подожди немного.

Вскоре дворецкий проводил Тан Шэня в кабинет Поместья Лян.

Лян Сун как раз занимался живописью. На свитке рождалась орхидея, пустившая корни на отвесной скале и колышущаяся под порывами зимнего ветра. Рядом с ним стоял молодой человек в синем халате и растирал тушь. Это был Сюй Хуэй, его второе имя было Юйчжи, двоюродный племянник Великого ученого Ляна.

Увидев вошедшего Тан Шэня, Великий ученый Лян мельком взглянул на него и вернулся к картине. Держа в руке тонкую кисть из козьей шерсти, он уверенно наносил мазки и неторопливо говорил:

— Почему ты вернулся спустя всего час? Забыл что-то? Пусть Юйчжи сходит с тобой и поможет забрать.

Тан Шэнь сделал три шага вперед и достал кое-что из рукава.

— Учитель.

<http://bllate.org/book/18292/1754405>